

Медиевализм в работах французских эрудитов раннего Нового времени (на примере сигиллографии)

А. А. МИХАЛЬЧУК

Аннотация: Статья раскрывает эпистемологический потенциал наследия европейских эрудитов Раннего Нового времени, которые в рамках своих исторических церковных и светских, локальных и национальных, генеалогических и дипломатических штудий оставили богатые рукописные и опубликованные коллекции копий средневековых источников. Среди них, в силу преобладающего интереса историографов XVII–XVIII вв. к архивным оригиналам, выделяются в первую очередь документы, но и материальные памятники прошлого не остаются в стороне, тем более что средневековые печати скрепляли акты, наделяя их аутентичностью, а также служили личными символическими объектами своих владельцев, отражая их социальный статус. Автор статьи стремится на примере деятельности французских эрудитов раннего Нового времени доказать их самостоятельный интерес к печатям как к памятнику славного прошлого, «доказательству» исторического факта и ценному личному предмету. Этот интерес рождает у эрудитов критический сигиллографический дискурс: они внимательны не только к изображениям на печатях, но и к материальному объему оттисков, и к их владельцам. Хотя и не лишены ангажированности к ним, как и в отношении представителей власти, финансирующих их исследования, эрудиты основывают свои «истории» исключительно на архивном материале, а за счет качественных копий – рисунков и гравюр, выполненных профессиональными художниками, их работы содержат большое число средневековых печатей, не дошедших до нас в оригинале.

Ключевые слова: сигиллография, историография, печати, Франция XVII–XVIII вв., историки-эрудиты

Anna A. Mikhailchuk
**Medievalism in the Works of French Early Modern Erudites
(an Example of Sigillography)**

Abstract: The article reveals the epistemological potential of the heritage of Early Modern European scholars, who, as part of their historical, ecclesiastical and secular, local and national, genealogical and diplomatics' studies, left rich handwritten and published collections of copies of medieval sources. Among them, due to the prevailing interest of historiographers of the 17th–18th centuries in archival originals, documents are primarily distinguished, but material monuments of the past are not left out, especially medieval seals sealing acts, endowing them with authenticity, and also serving as personal symbolic objects of their owners, reflecting their social status. Using the example of French scholars of the Early Modern period, the author of the article tries to prove their independent interest in seals as in a remain of the glorious past, an "argument" of a historical fact and a valuable personal object. This interest produced a critical sigillographic discourse among scholars: they became attentive not only to the images on the seals, but also to their material features and to their owners. Although they were not devoid of engagement towards the seals' owners, as to the authorities who financed their research, scholars based their "histories" solely on archival material, and, due to high-quality copies of drawings and engravings made by professional artists, their works contain a large number of medieval seals that have not come down to us in the original.

Key words: sigillography, historiography, seals, France in the 17th–18th centuries, historians-scholars

For citation: Михальчук А. А. Медиевализм в работах французских эрудитов раннего Нового времени (на примере сигиллографии) // Graphosphaera. 2025. Т. 5. № 1. С. 88–105. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2025-5-1-88-105>

DOI: 10.32608/2782-5272-2025-5-1-88-105

© А. А. Михальчук, 2025.

Историки-эрудиты XVII–XVIII вв., не в последнюю очередь французские, в рамках своих национальных, локальных, церковных и региональных штудий активно обращались к средневековым архивам, копируя, анализируя, критикуя и публикуя сохранившиеся в них источники. В дальнейшем события французской революции уничтожили многие оригиналы документов и нарративных текстов, и поэтому очень часто средневековые источники известны медиевистам только по копиям раннего Нового времени (см., например: Филиппов 2000. С. 135). Наиболее ярко это видно на примере средневековых картуляриев. Так, из французского региона Овернь происходят 20 средневековых картуляриев, из которых 12 известны только в копиях раннего Нового времени (Fray 2021). К этим 60% можно добавить картулярии таких крупных средневековых институтов, как аббатство Святого Бенигна в Дижоне

(сохранился исключительно в работах эрудитов П.-Ф. Шиффле [Chifflet 1664. P. 1–2, 8, 39, 178–179], Ж. Бойе [Bibliothèque nationale de France (далее: BNF). Latin 1080], У. Планше [Plancher 1739. P. 524]); аббатство Шаалис (копии его картулярия, выполненные Ф.-Р. де Гэньером [BNF. Latin 17113], Э. Балюзом [BNF. Baluze 38, f. 247–265] и Демаре [BNF. Latin 9976–9982; илл. 3], доказывают, что дошедшие до нас оригиналы составляют лишь маленькую толику его архивов) и, наконец, бретонский картулярный аббатства Мармутье, известный исключительно благодаря Ф.-Р. де Гэньеру (BNF. Latin 5441) и Г.-А. Лобино (BNF. Français 22319).

Современные медиевисты всё больше обращаются к изучению наследия эрудитов раннего Нового времени: настоящему перевороту в этом направлении мы обязаны А. Ритц-Гильбер, которая открыла историческому сообществу фигуру Ф.-Р. де Гэньера с его профессиональной командой палеографа Б. Реми и художника Л. Будана, призванных для создания наиболее точных копий средневековых источников. По сей день база данных «Collecta», инвентаризирующая эти копии, продолжает пополняться (Ritz-Guilbert 2016). Однако это открытие фигуры Ф.-Р. де Гэньера имеет и обратную сторону: в историческом сообществе сложилось мнение о его исключительности, подобно тому как господствует эта идея в отношении создателя дипломатики Ж. Мабильона (Levillain 1908) или провансальского эрудита Ф.-Н.-К. де Пейреска (Miller 2015). За фигурами мастодонтов, наследие лишь одного из которых часто выбирается исследователями для изучения, скрывается и игнорируется массовая (по меньшей мере в среде эрудитов в границах Европы раннего Нового времени, объединенных в так называемую «Республику ученых» – сеть связанных между собой, в первую очередь корреспонденцией, эрудитов XVII–XVIII вв. для ведения совместной научной деятельности) тенденция эрудитов к копированию средневековых источников и построению на их основе исторического дискурса. Создавая стеммы традиций актов, современные дипломатисты едва ли упоминают копии средневековых документов, сделанные в раннее Новое время, практически не обращая непосредственно к архивам этих копий. Так, очень долгое время оставались без внимания копии печатей, скрепляющих средневековые документы, массово выполняемые эрудитами XVII–XVIII вв. вместе с транскрипцией текстов актов. Настоящее исследование на основе анализа этих копий направлено на то, чтобы доказать всеохватность сигиллографических штудий эрудитов в раннее Новое время, а также их настолько высокий уровень (вопреки мнению части сигиллографов, лишаящих исследования печатей эрудитов критического характера: De Laborde 1863. P. 39–40), что позволяет нам говорить о рождении сигиллографии как исторической дисциплины уже в XVII–XVIII вв.

Историки науки зачастую в отношении интеллектуальной среды во Франции XVII–XVIII вв. используют термины «институт» и даже «школа» (Barret-Kriegel 1988). Так, принято выделять «историческую школу» мавристов – членов конгрегации Святого Мавра бенедиктинского ордена, – которые вслед за своим самым известным представителем Ж. Мабильоном применяли к источникам прошлого критический анализ, не только внутренний, текстуальный, но и внешний – палеографический, дипломатический и кодикологический (Grell 1993. P. 58–67). Несмотря на то что мавристы заслуженно считаются прежде всего церковными историками, их штудии выходят далеко за пределы «Gallia Christiana». Многие из членов конгрегации были и локальными историографами, сформировав настоящую традицию региональных историй за авторством бенедиктинцев (Delisle 1871. P. 237–239). Первым из них был Г.-А. Лобино – историограф Бретани (Lobineau 1707), далее, обретая все более коллективный характер, «общая история» пишется двумя мавристами – К. Девиком и Ж. Вэссетом – для Лангедока (Devic et Vaissète 1730–1745), У. Планше – для Бургундии (Plancher 1739–1781). Хотя опубликованы были всего эти три труда, огромное число предполагавшихся «историй» остались лишь в рукописях: Л. Фонтено готовил «историю Пуату»; П.-Н. Гренье и Ж. Пуарье – «историю Пикардии»; М. Арно и Э. Уссо – «историю Анжу и Турени» (Delisle 1871. P. 274–286). Занятия историописанием мавристов регулировались в том числе программными документами конгрегации: начиная с первого генерального настоятеля Г. Тарисса, высшие иерархи конгрегации призывают к гуманитарным, прежде всего историческим штудиям, формулируя даже правила их ведения (BNF. Français 22313, f. 245–247).

Мавристы были далеко не первым поколением эрудитов в истории Франции раннего Нового времени. Значительную роль в историографии этого периода сыграли эрудиты домабильоновской поры, авторы локальных и генеалогических историй – П.-Ф. Шиффле (Autour des Chifflet 2007), А. Дюшен, Э. Балюз (Boutier 2007). Генеральные настоятели мавристов возвели А. Дюшена в пример для подражания всем последующим поколениям историков. Будучи абсолютно светским историком, А. Дюшен вместе со своими современниками изменил сам метод историописания, долгое время основанный на тексте-хронике. «Генеалогические истории» А. Дюшена состоят не только из повествования, но и из доказательств изложенных фактов – публикаций источников, изученных им для восстановления конкретных событий прошлого. Сам рассказ как будто и вовсе уходит на второй план: так, работа П.-Ф. Шиффле о генеалогии Беатрисы, графини Шалона (1174–1227), практически полностью состоит из «доказательств» (Chifflet 1664), под кото-

рыми эрудиты понимали прежде всего документы, связанные с историей провинциальных графов или герцогов, знатных семей или местных аббатств. Большое внимание к изучению документов прошлого и к построению дискурса именно на их основе приводит эрудитов в архивы, где они и копируют документы. При этом внимание историков-эрудитов привлекает не только текст, но и материальная сторона документа – пергамен, тип письма, формуляр. Благодаря Ж. Мабильону и его «*De Re Diplomatica*» (1681), внешняя критика источников получает в исторических трудах эрудитов еще большее распространение (Levillain 1908. P. 192–203). Удовлетворение этого интереса к материальной стороне оригинальных документов приводит к формированию специальных исторических дисциплин, среди которых важное место занимает сигиллография¹.

В рамках внешней критики документов, касающихся истории семьи, провинции или государства, эрудиты раннего Нового времени не могли не обращать внимания на один из основных знаков удостоверения средневековых актов – печати. Порой эрудиты помещали в своих публикациях не просто тексты актов, а настоящие факсимиле, передающие все стигмы пергамента и чернила оригинала, а также печати. Эрудиты практически повсеместно копируют изображения на скрепляющих документы печатях и помещают их гравюры в «доказательства» опубликованных локальных, региональных, церковных и генеалогических «историй». При этом, если у А. Дюшена, как и у многих предшественников Ж. Мабильона, печать не отделена от скрепляемого ей документа, то мавристы формируют отдельные от текстов актов иллюстративные доказательства исключительно из изображений печатей: в случае рукописей – рисунков, в случае печатных изданий – гравюр. Средневековые печати таким образом и вовсе становятся самостоятельным объектом внимания и интереса эрудитов, вокруг которого, как и вокруг текстов, строится повествовательный дискурс. Всё больше историки и художники, работающие с ними, начинают не только копировать само изображение на печати, но и передавать ее форму, выпуклый характер, а также способ крепления печати к акту. Интерес к материальному объекту формирует построение теорий, и появляются настоящие сигиллографические трактаты (Heineccius 1709; Toustain, Tassin 1759), в которых эрудиты восстанавливают историю возникновения и распространения практики скрепления документов печатями и их типы.

Печать в работах эрудитов раннего Нового времени обретает таким образом статус памятника прошлого, причем столь ценного, что региональные историографы вступают в спор о том, в какой из про-

---

¹ В российской историографии существует равнозначный термин «сфрагистика».

винций впервые во Франции появилась своя печать, придумывают геральдические фигуры для печатей представителей знати, генеалогию которых они восстанавливают, и даже участвуют в спорах межгосударственного характера о первой золотой булле в Европе. Подобные «сигиллографические войны» – безусловное свидетельство восприятия эрудитами средневековой печати как самостоятельного исторического источника.

Средневековые печати в архивах раннего Нового времени

Поиск исторических источников в архивах являлся обязательным для штудий эрудитов раннего Нового времени. Несмотря на повышение статуса копий в эту эпоху, Ж. Мабильон в своем «Указании тем, кто пишет историю монастырей» составляет иерархию источников, обязательных для изучения, где оригиналам отдается абсолютный приоритет (Mabillon 1724. P. 91–92). Предприятия французских эрудитов действительно известны вовлечением большого числа коллег в разных уголках страны, да и Европы в целом; историографы часто и самостоятельно путешествовали по архивам внутри и за пределами страны. Помимо аббатств, которые продолжали быть лидерами по числу сохранившихся средневековых актов, скрепленных печатями, эрудиты также занимаются изучением «сокровищниц хартий», созданных в XVI–XVII вв. во многих французских городах по примеру столицы. Так, наряду с аббатством Мармутье большое число печатей бретонской знати было изучено Г.-А. Лобино в Нантском замке (Mikhailchuk 2024. P. 155, 158–159). Историки Лангедока – К. Девик и Ж. Вэссет – и вовсе большую часть времени работают именно в столице, т. к. парижская «сокровищница хартий» приняла хартии тулузских графов еще в XIII в. (Devic, Vaissète 1872. P. 32–35). Церковные архивы и вовсе находятся в меньшинстве у авторов «Общей истории Лангедока»: помимо «сокровищницы хартий» в Париже, они обращаются к кабинетам столичных коллекционеров, своих предшественников – Ф.-Р. де Гэньера и П. Клерамбо (Devic, Vaissète 1745. P. 685), которые также интересовались как оригиналами, так и копиями средневековых печатей. В таких кабинетах зачастую хранились уникальные экземпляры.

Интерес к печатям не является при этом исключительно индивидуальным для того или иного эрудита. Напротив, не только генеральные настоятели конгрегации мавристов, но и первый министр Франции Кольбер и генеральные штаты провинций, финансировавшие публикации «историй» эрудитов, создание ими коллекций копий документов и описей архивов, призывали эрудитов к работе не только над документами, но и над печатями, гербами и надгробиями. Первый настоятель мавристов Г. Таррисс в своих наставлениях историкам–

бenedиктинцам настаивает на светском характере, который в том числе должны нести работы эрудитов, даже их «церковные истории». Настоятель формулирует правило «признания» – восхваления и уважения – знатного сословия, которое должно выражаться, прежде всего, через анализ связанных с их генеалогией хартий, а также гербов и печатей (BNF. Français 22313, f. 245–246). Совет Г. Таррисса был подхвачен Кольбером: в рестрикте от 19 июня 1683 г. министр свидетельствует о желании короля найти, инвентаризовать и исследовать «все *титулы, акты и документы, а также скрепляющие их печати* (курсив мой. – А. М.), которые могут служить для составления различных исторических трактатов, заказанных его Величеством; его Величество мне приказывает также донести до Вас [интендантов], что Он желает, чтобы вы посетили архивы главных церквей и городских органов и составили на основе найденных там источников исследования всего, что могло бы служить замыслу Его Величества»² (Lettres 1868. P. 436–437). Трудно не заметить, что печати, вызывая исключительный интерес эрудитов и служа дополнением к тексту акта, одновременно выделяются среди других источников и памятников прошлого даже представителями власти – заказчиками генеалогических, локальных и национальных «историй». Печати, как и документы, обладают в их глазах способностью служить прославлению прошлого.

Вероятно, именно это видение печати как памятника славного прошлого подталкивало эрудитов не только писать теоретические сигиллографические трактаты, но и включать изображения оттисков в виде дорогостоящих и скрупулезно выполненных гравюр в финальные публикации. Г.-А. Лобино, первый провинциальный историк мавристов, к тому же включивший в свою «Историю Бретани» значительный сигиллографический материал в виде нескольких сотен изученных им и его командой оттисков (Lobineau 1707. Vol. 2. Planches; см. илл. 1–2), оставил наставление в деле написания локальных историй. В нем эрудит признает, что обратился к печатям в ходе своих штудий, следуя традициям предшественников, имея в виду представителей домабильоновской поры вроде упомянутых выше П.-Ф. Шиффле и А. Дюшена. Сигиллографическую традицию, по мнению Г.-А. Лобино, прерывать нельзя (BNF. Français 24987, f. 190). Однако одной из причин продолжения обращения

---

² «Le Roy voulant que l'on continue la recherche de *tous les anciens titres, actes et instrumens ainsi que les sceaux les scellant* (курсив мой. – А. М.) qui peuvent servir à divers traités historiques auxquels Sa Majesté fait travailler, Sa Majesté m'ordonne de vous faire sçavoir qu'elle désire que vous visitiez les archives des principales églises et hotels de ville, et que vous en tiriez ou fassiez faire des mémoires de tout ce qui s'y trouvera qui pourra servir au dessein de Sa Majesté».

к печатям в рамках «историй» должен служить, по мнению мавриста, интерес публики к иллюстрациям, к изображениям вообще, которые «захватывают читателя гораздо больше, чем повествование». Именно поэтому даже нехватка времени и средств не послужила для Г.-А. Лобино аргументом для прекращения кампании по копированию, срисовыванию средневековых оттисков, а также создания их гравюр. Иногда эрудиты составляли и тексты о печатях, но интерес к изображению в рамках «истории» был, вероятно, превалирующим. Может даже создаться впечатление, что историки раннего Нового времени и вообще интересовались печатями только ради изображений на них, которые они могли использовать для иллюстраций своих финальных публикаций.

Уникальность сигиллографических исследований

Обращение эрудитов к профессиональным художникам и граверам в рамках исторических штудий, казалось бы, также должно свидетельствовать о превалирующей иллюстративно-изобразительной функции печатей. Действительно, в команде эрудитов по примеру Ф.-Р. де Гэнбера, сотрудничавшего с художником Л. Буданом и палеографом, имитировавшим тип письма оригинала, Б. Реми (Ritz-Guilbert 2016), часто находились те, кто отвечал за рисунки и гравюры с изображениями материальных источников. В конгрегации Святого Мавра вначале попытались найти человека с художественными способностями среди членов ордена. Так, срисовыванием печатей для «истории Бретани» Г.-А. Лобино занимался маврист А. Галлуа, за подписью которого мы находим часть рисунков (Lobineau 1707. Vol. 1. P. LXII). Уметь срисовать печать вместе с копией текста акта действительно должно было быть ценным качеством, особенно потому, что эрудитам приходилось много путешествовать в поисках оригинальных источников и работать с оригиналами «на месте». По мере развития историописания мавристы начинают привлекать профессиональных рисовальщиков, а среди граверов всё больше формируется специализация именно на печатях, тогда как ранее создавали гравюры надгробий, эпитафий, иных эпитафических памятников, гербов и даже географических карт одни и те же специалисты.

Вернемся к вопросу о том, были ли копии материальных источников, сделанные эрудитами, исключительно иллюстрациями к основному тексту или же они выполняли функцию «доказательств» событий прошлого. В пользу иллюстративной функции печатей должны говорить работы Н.-К.-Ф. де Пейреска (1589–1637) – эрудита из Экс-ан-Прованса, который, являясь истинным членом «Республики ученых», организовал кабинет древностей и не только исторических диковинок прошлого, но и природных, естественно-научных редкостей (Miller

2015). Не опубликовав ни одного труда, а по свидетельствам черновых записей, даже не задумывая их создания, он, тем не менее, создал коллекцию копий документов, важных для истории Франции. Многие из них были отправлены Пейреску его коллегами из разных провинций страны. Однако наиболее известен Пейреск своим участием в печатной портретной галерее французских монархов Ж. де Би (De Vie 1636). Действительно, эрудит уделял много внимания поиску портретных изображений, содержащихся в исторических источниках – на надгробиях, монетах, медалях. Так, он был уверен, что и печать содержит личный портрет своего владельца и его физиогномические черты (Stoclet 2011. P. 162). Этого вполне естественного заблуждения придерживались все эрудиты домабильоновской поры. Однако даже в этом стремлении найти «реальные черты лица» исторической личности на базе аутентичных источников прошлого заметно восприятие этих свидетельств как «доказательств» не только событий или фактов прошлого, но и, например, внешности человека. В то же время культ обращения к архивам и критического анализа источников уже к эпохе Пейреска был настолько высок, что даже портреты необходимо были реконструировать по доказанным «легитимным» (термин, часто используемый самим Пейреском) свидетельствам прошлого (Schnapper 2012. P. 306–308).

Более того, архивы Пейреска не ограничиваются попытками реконструкции портретов владельцев по их печатям, монетам и медалям. Копии с изображениями печатей, выполненные эрудитами XVII–XVIII вв., гораздо сложнее (см. илл. 4). Иначе трудно объяснить, зачем эрудиты и их художники внимательно передают материальный характер увиденных ими оттисков: их размер передан в натуральную величину оригинала; художники также стремятся передать объем печати как объекта и выпуклый характер изображения на ней; даже повреждения оригинальных оттисков находят точное отражение в копиях. Крепления печатей к акту и вовсе порой сохраняют на изображении оригинальный объем и цвет, как будто эрудиты ставили перед собой цель создать настоящие факсимиле. То же относится к надписям на печатях: они тщательно копируют тип письма легенды, тем более что и эпитафии являлись постоянным предметом изучения эрудитов. В случае исключительного «портретного» интереса вряд ли эрудиты интересовались бы и легендами, и креплениями печатей. Наконец, изображения на «конных» печатях, близкие к «портретным», характерны только для первых Каролингов (Corpus 2011. P. 45–48), тогда как различить физиогномические черты на печатях с изображением всадника, столь распространенных в классическое Средневековье, достаточно сложно.

Часть исследователей уверены, что подобный интерес к печатям у эрудитов раннего Нового времени не автономен, а зависим от документа: печать воспринималась, по их мнению, исключительно как знак удостоверения и, следовательно, признак аутентичности акта (Bedos-Rezak 2012. P. 131). Однако и это утверждение не выдерживает критики: часть эрудитов, вроде Пейреска, отделяют печати от скрепленных ими документов, а те, кто, подобно А. Дюшену и П.-Ф. Шиффле, помещают гравюры печатей сразу после текста соответствующего акта больше не стремятся передать и не анализируют никакой внешний критерий документа, помимо печатей. Лишь очень редко, за рамками специальных штудий, эрудиты описывают тип письма того или иного акта или особенности пергамена. Единственное, на что они постоянно обращают внимание, кроме текста, это печати. К этому необходимо добавить специальные сигиллографические трактаты, один из самых крупных из которых был создан Т. Хёпингом (Hopingk 1642) еще за 40 лет до «De Re Diplomatica» Ж. Мабильона.

Многофункциональность средневековой печати глазами эрудитов

Вокруг печатей строится уникальный самостоятельный дискурс в среде эрудитов раннего Нового времени, который доказывает, что средневековая печать была в их глазах памятником прошлого и доказательством национальной, локальной или семейной славы. Так, между эрудитами возникают настоящие сигиллографические споры. Их мало интересует, какие документы скрепляли печати первых Каролингов с изображением языческих богов, напротив, интересны причины, по которым была выбрана именно эта иконография для столь «христианских» государей (Toussain, Tassin 1759. P. 98–101). Чуть больший вес обретает документ, скрепленный первой в Западной Европе золотой буллой, по поводу которой разгорается настоящая «сигиллографическая война» в среде эрудитов. Уделяя большое внимание символическому значению золота как материала для оттиска, одни эрудиты – П.-Ф. Шиффле (Chifflet 1664. P. XCIV) и И. Хайнециус (Heineccius 1709. P. 86–89) – утверждают, что первый акт, скрепленный золотой печатью, был составлен от имени Фридриха Барбароссы. Им противостоят мавристы – Ш.-Ф. Тустэн и Р.-П. Тассен, которые наделяют золотой буллой Карла Лысого (Toussain, Tassin 1759. P. 30, 111, 119), а Ж. Мабильон – даже Карла Великого и Пипина Короткого (Mabillon 1681. P. 514–515). Несмотря на то, что спор велся, казалось бы, исключительно вокруг материала, из которого сделана печать, члены конгрегации Святого Мавра, безусловно, хотели найти скрепленный ей документ в архивах бенедиктинских аббатств Сен-Мартен-де-Тур и Сен-Филибер в Турню, тогда как у немецкого иезуита Хайнециуса большее желание было видеть в качестве первого владельца

золотой печати именно Фридриха Барбароссу. Интересы ордена и родины, таким образом, влияют на критический анализ источников эрудитами, и печати тоже не избегают определенной предвзятости с их стороны.

Искать «доказательства» славного прошлого семьи, провинции или страны эрудиты раннего Нового времени пытались именно в Средневековье, которое перестало для них быть «темным», каким его преподносили итальянские гуманисты. Члены «Республики ученых» вслед за французским юристом и гуманистом Этьеном Паскье (1529–1615) воспринимают Средневековье исключительно как переходный период, а не как упадок римской культуры перед эпохой Возрождения (Fray 2021). Кажется, что окончательно Средневековье было реабилитировано историками-генеалогами: именно в этом периоде они находили славных предков знатных семей. Эрудиты как будто даже не объясняют, почему обращаются именно к Средневековью: сохранность и ценность его источников неоспоримы для них. Средневековые печати при этом становятся и генеалогическим свидетельством. Прежде всего, речь идет о том, что изображения на печатях часто содержали личные знаки владельцев – гербы – едва ли не самый главный признак принадлежности к определенной семейной ветви. Действительно, геральдические и сигиллографические штудии были тесно взаимосвязаны в раннее Новое время. То, что печати могут являться самыми древними «носителями» гербов, поняли и члены «Республики ученых», которые пытались найти, а иногда и сфальсифицировать гербы на печатях провинциальной знати, для того чтобы удревнить эту практику. Поэтому «генеалогические истории» А. Дюшена наполнены гравюрами как гербов, так и печатей, а П.-Ф. Шиффле и вовсе в своем «Письме, касающемся Беатрисы, графини Шалон» (1637) начинает свое «доказательство» генеалогии этой графини с изображения ее личной печати, в которой эрудит большое внимание уделяет именно легенде, содержащей титул владельца (Chifflet 1656. P. 39).

Целый спор разгорается в среде эрудитов разных поколений о первом гербе на печати представителя французской провинциальной знати: историк Фландрии О. де Вре, а вслед за ним мавристы Ш.-Ф. Тустэн и Р.-П. Тассен были уверены, что самым древним таким гербом является лев, изображенный на печати графа Фландрского Роберта I (1071–1093), скрепляющей акт 1072 г. (Toussain, Tassin 1759. P. 374–378); бургундский историк У. Планше ожидаемо выдвигал в качестве кандидата Гуго II, герцога Бургундского (1103–1143), причем сразу с гербом в виде чередования перевязей (герб древней Бургундии, но вряд ли датированный самым началом XII в.) на его печати, скрепляющей акт 1102 г. (Plancher 1739. P. 524); историки Лангедока К. Девик и Ж. Вэссет считали первым таким гербом тулузский крест на печати Раймонда Тулузского,

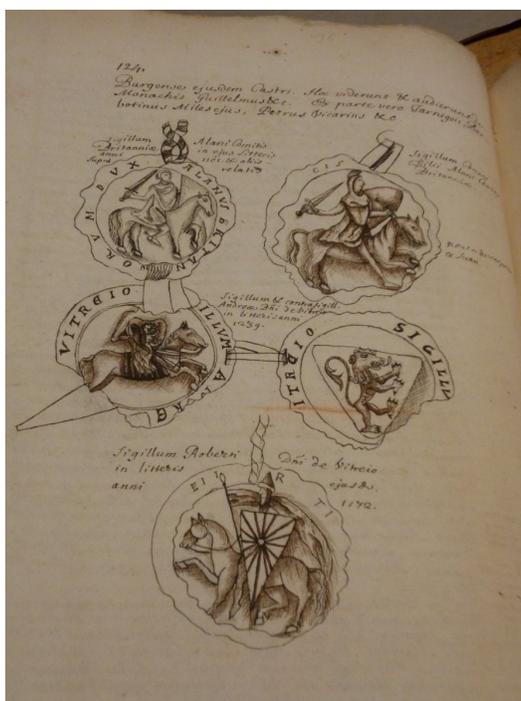
скрепляющий его акт в пользу авиньонского аббатства Сен-Андре от 1088 г., известного своими фальсификациями средневековых источников (Devic, Vaissète 1745. P. 685). Эти версии вряд ли верны: первые гербы на средневековом Западе появляются только с 1130–1140-х гг. (Pastoureaux 1976. P. 291). Однако интересно, что геральдический спор развился в среде эрудитов в сигиллографический: еще более престижным кажется для эрудитов владение провинциальной знатью первой личной печатью, чем первым изображенным на ней гербом. И снова среди кандидатов выступают граф Фландрии Арнульф I (918–964) с коронованным изображением на троне, столь удивительным для французского графа, особенно в X в. – версия, предложенная О. де Вре (Vredius 1639. P. 81), Ш.-Ф. Тустэном и Р.-П. Тассеном; кажущийся более убедительным оттиск печати Вильгельма Завоевателя 1060-х гг. с двойным изображением – на троне и «конным», столь привычным для печатей средневековой знати (Toussaint, Tassin 1759. P. 221); бретонский герцог Ален IV (1084–1103) с «конной» печатью без каких-либо геральдических символов, датированной актом от 1101 г. (Lobineau 1707. Vol. 1. P. 263–265). Как видно, два последних упомянутых факта могут вполне соответствовать исторической реальности, которая стала нам доступной в свою очередь только через анализ работ эрудитов раннего Нового времени.

Представления историографов XVII–XVIII вв. о средневековом обществе как о строго иерархичном отразились и в анализе ими печатей не только как памятников славного прошлого, но и как свидетельства социального статуса владельцев. Неслучайно они ищут титулы владельцев именно в надписях на печатях. Так, один из споров в среде эрудитов разгорелся вокруг взаимосвязи между рыцарским статусом в Средневековье и возможностью владения личной печатью. В этом противостоянии конгрегация Святого Мавра столкнулась с членами Академии надписей и изящной словесности, также занимавшимися историческими штудиями, хотя и в меньшей мере внедряя в них собственно источниковедческие и сигиллографические (Barret-Kriegel 1988). Академики, в основном представители французской знати, были уверены, что правом владения печатью были наделены только рыцари и исключительно после официальной процедуры посвящения (La Curne de Sainte-Palaye 1753). Некоторые мавристы, особенно среди провинциальных историков, были согласны с академиками, приводя многочисленные примеры (Plancher 1739. P. 568). Однако Ш.-Ф. Тустэн и Р.-П. Тассен в своем «Новом трактате о дипломатике» старались доказать обратное: они были уверены, что возраст владельца, его ранг, особенно при рождении, играли в праве владения печатью гораздо бóльшую роль, чем рыцарский титул (Toussaint, Tassin 1759. P. 266). В качестве аргумента

мавристы приводили ситуации, когда рыцари не владели собственной печатью, скрепляя акты от своего имени оттисками печатей своих родственников. Так и оставшись неразрешенным, этот спор продолжается в среде медиевистов-сигиллографов и по сей день.

* * *

Итак, французские эрудиты раннего Нового времени, как и большинство членов «Республики ученых» XVII–XVIII вв., основывают свои исторические штудии на копиях оригинальных источников. Обращение к этим копиям позволило нам расширить представления об их масштабах – копировались не только тексты средневековых документов, но и их материальный характер, в первую очередь скрепляющие их печати. Массовость этих копий, их высокое качество, в точности передающее оригинал, достигнутое в коллаборации эрудитов с профессиональными художниками, и наконец, формирование исторического дискурса, будь то генеалогического, геральдического или национального, вокруг печатей – всё это говорит о развитии сигиллографии как исторической дисциплины уже в раннее Новое время. Вместе с выводом о рождении дисциплины медиевисты получают в работах эрудитов XVII–XVIII вв. изображения оттисков, оригиналы которых не дошли до нас, а также уникальные сведения о сигиллографических практиках, на которые сегодня способны пролить свет только записи эрудитов той поры.

Илл. 1. Рисунки (BnF. Français 22319, fol. 124) печатей для «Общей истории Бретани» Г.-А. Лобино

Илл. 2. Гравюры печатей для «Общей истории Бретани» Г.-А. Лобино (Lobineau 1707. Vol. 2, planche 1)

Илл. 3. Рисунки печатей из архивов аббатства Шаалис, выполненные Демаре (BNF. Latin 9982, Planche Ee)

Илл. 4. Акварельный рисунок печати Гийома, графа Прованса (1151–1209), найденный в работах Пейреска (Bibliothèque de Carpentras. Peiresc 1784, f. 244)

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Le Goff Ж.* Стоит ли резать историю на куски? СПб., 2018. [*Le Goff Ж.* *Stoit li rezat' istoriyu na kuski? (Faut-il vraiment découper l'histoire en tranches?)* St-Petersburg, 2018.]
- Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. Проблема становления феодализма. М., 2000. [*Filippov I. S.* *Sredizemnomorskaya Frantsiya v ranneye srednevekov'ye. Problema stanovleniya feodalizma (La France méditerranéenne dans le haut moyen âge. Le problème de formation du féodalisme).* Moscow, 2000.]
- Autour des Chifflet: aux origines de l'érudition en Franche-Comté: actes des journées d'étude du Groupe Chifflet / Ed. L. Delobette et P. Delsalle.* Besançon, 2007.
- Barret-Kriegel B.* Les historiens et la monarchie. P., 1988. T. 3: Les Académies de l'histoire.
- Bedos-Rezak B.* Outcast: Seals of the Medieval West and Their Epistemological Frameworks (XII–XXI Centuries) // *From Minor to Major: The Minor Arts in Medieval Art History.* Princeton (N. J.), 2012. P. 122–140.
- Boutier Ж.* *Stephanus Baluzius tutelensis: Étienne Baluze (1630–1718).* Tulle, 2007.
- Les Cartulaires: Actes de la Table ronde organisée par l'École nationale des chartes (Paris, 5–7 décembre 1991) / Réunis par O. Guyotjeannin, L. Morelle et M. Parisse.* P., 1993.
- Chifflet P.-F.* *Lettre touchant Béatrix comtesse de Chalon.* Dijon, 1656.

- Chifflet P.-F.* Histoire de l'abbaye royale et de la ville de Tournus. Dijon, 1664.
Corpus des sceaux français du Moyen Age. P., 1991. T. 2: Les sceaux des rois et de régence / Dir. M. Dalas.
- De Bie J.* Les Vrais portraits des rois de France, tirés de ce qui nous reste de leurs monuments, sceaux, médailles... P., 1636.
- Delisle L.* Notice sur des collections manuscrites de la Bibliothèque nationale // Bibliothèque de l'École des chartes. 1871. T. 32. P. 237–290.
- Devic C., Vaissète J.* Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives. P., 1730–1745.
- Devic C., Vaissète J.* Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives. Toulouse, 1872–1905.
- Fray S.* Pour une histoire des usages modernes de l'écrit «médiéval». Intervention le 5 mars // Cycle de 11 webinaires du séminaire «Usages modernes de l'écrit médiéval». Laboratoire LEM-CERCOR. Mars–juin 2021. URL: [Webinaire : Pour une histoire des usages modernes de l'écrit « médiéval » \(17.04.2025\)](#).
- Grell C.* L'Histoire entre érudition et philosophie: étude sur la connaissance historique à l'âge des Lumières. P., 1993.
- Heineccius J.-M.* De Veteribus Germanorum, aliarumque nationum sigillis. Frankfurt; Leipzig, 1709.
- Hopingk T.* De sigillorum prisco et novo jure tractatus practicus. Nürnberg, 1642.
- La Curne de Sainte-Palaye J.-B.* Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire // Histoire et mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. 1753. Vol. 20. P. 597–847.
- Lettres, instructions et mémoires de Colbert / Ed. P. Clément. P., 1868. T. 5.
- Levillain L.* Le «De Re Diplomatica» // Mélanges et documents publiés à l'occasion du 2e centenaire de la mort de Mabillon. Ligugé; P., 1908. P. 192–252.
- Lobineau G.-A.* L'histoire de Bretagne composée sur les titres et les auteurs originaux. P., 1707.
- Mabillon J.* Avis pour ceux qui travaillent aux Histoires des Monasteres // Ouvrages posthumes de D. Jean Mabillon et de D. Thierry Ruinart / T. Ruinart. T. 2. P., 1724. P. 91–95.
- Mabillon J.* De Re Diplomatica. Luteciae Parisiorum, 1681.
- Mikhailchuk A.* Dom Guy-Alexis Lobineau, premier historien de la Bretagne et un véritable Breton? // Pecia. Le livre et l'écrit. Hommage à François Duine (1870–1924) / Dir. J.-L. Deuffic. 2024. T. 26: 2023. P. 147–177.
- Miller P.-N.* L'Europe de Peiresc: savoir et vertu au XVIIe siècle. P., 2015.

- Pastoureau M.* L'apparition des armoiries en Occident. État du problème // Bibliothèque de l'École des chartes, 1976. Т. 134. Р. 281–300.
- Plancher U.* Histoire générale et particulière de Bourgogne. Dijon, 1739–1781.
- Ritz-Guilbert A.* La collection Gaignières : un inventaire du royaume au XVIIe siècle. P., 2016.
- Schnapper A.* Le géant, la licorne et la tulipe. Les cabinets de curiosité en France au XVIIe s. P., 2012.
- Stoclet A. J.* L'iconographie de Pépin Ier, roi des Francs (mort en 768) : quelques jalons // Bulletin de la Société Nationale des Antiquaires de France. 2011. Р. 160–173.
- Toussaint C.-F., Tassin R.-P.* Nouveau traité de diplomatique... P., 1759. Т. 4.
- Vredius O.* Sigilla comitum Flandriae et inscriptiones diplomatum ab iis editorum... Bruges, 1639.

Информация об авторе

АННА АЛЕКСЕЕВНА МИХАЛЬЧУК
аспирант Национальной школы
хартий, архивист-палеограф
Национальной школы хартий
(Париж, Франция)
Франция, 75002, Париж,
ул. Ришельё, 65
e-mail: annamikh67@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9589-9156

Information about the author

ANNA A. MIKHALCHUK
PhD candidate student the National Charter School, archivist-palaeographer of the National Charter School (Paris, France)
65, rue de Richelieu, Paris, 75002, France
e-mail: annamikh67@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9589-9156

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2025
Поступила после рецензирования / Revised: 7.06.2025
Принята к публикации / Accepted: 30.06.2025